

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-8-19>

УДК 008

ББК 71.1

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Д. А. Ляпин
г. Елец, Россия

МЕХ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Аннотация: Мех является значимым элементом многих обрядовых действий в традиционной русской культуре. Несмотря на то что материала на эту тему существует достаточно много, он обычно остается за пределами научного внимания. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел и показать роль меха в русской свадебной обрядности. Автор приводит примеры, связанные с использованием шкур животных на свадьбе, анализирует свадебные песни и обряды. В итоге делаются выводы о том, что мех в свадебном ритуале имел двойственное значение. Прежде всего, он использовался в качестве магического предмета, наделенного функцией плодородия, достатка и продолжения рода, и в этой связи относился к одному из типов обрядов, использующих оплодотворяющую (карпогоническую) магию, которая должна была обеспечить молодым рождение здоровых наследников и материальный достаток. Сакральная связь меха с плодородием проявилась и в иных ритуальных действиях, например, в заговорах, связанных с благополучием семьи и домашнего хозяйства. Вывернутый мех считался признаком иного мира, и с его помощью в свадебном обряде изображали духов умерших предков. В этом случае мех следует рассматривать в контексте имитативной магии, связанной с подражанием желаемым событиям. Стремясь получить помощь умерших предков, участники свадебной церемонии надевали вывернутые наизнанку шубы или шкуры животных для имитации их присутствия и участия в обряде. Отмеченное нами сакрально-символическое восприятие меха определило его широкое распространение в традиционной русской свадебной обрядности.

Ключевые слова: мех, шуба, свадебная обрядность, народная магия, традиционная культура.

Информация об авторе: Денис Александрович Ляпин — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, 399770 г. Елец, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.04.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Ляпин Д. А. Мех как элемент русской традиционной свадебной обрядности // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 8–19. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-8-19>

Знакомясь с обрядами и ритуалами традиционной культуры русского народа, можно заметить частое употребление в них меха или же изделий из него (как правило, шубы). Цель данной статьи — показать важное значение меха в свадебной обрядности, а также попытаться понять историко-культурный смысл его использования в традиционной свадебной магии. При этом важно подчеркнуть, что в центре нашей статьи находится не свадебный обряд, а именно мех, как его значимый этнографический элемент. Некоторые правила, ритуалы и обычаи, связанные с традиционной свадьбой, послужат в данной статье средством для понимания того значения меха, которое он имеет в народной мифологии.

В обстоятельных этнографических работах XIX в., описывающих быт и нравы русского народа, принадлежащих А. В. Терещенко, М. М. Забылину, В. И. Далю, А. Н. Афанасьеву и другим исследователям того времени, мех упоминается довольно часто, являясь обязательным элементом самых разных обрядов и поверий [1; 10; 13; 25]. Некоторые из ученых считали, что использование меха обусловлено присущей ему функцией оберега от злых духов [12, с. 166–167; 25, с. 163]. Другие исследователи полагали, что в древности славяне принимали облака за огромную шкуру, которой боги накрывали мир, и выводили почитание меха именно из этого поверья [10, с. 74].

В XX в., когда осмысление народной культуры вышло на новый уровень, позволяющий понять глубокие исторические корни обрядовых действий и фольклорных традиций, мех остался за пределами внимания ученых ввиду обобщающего характера подобных исследований [6; 14; 15; 22]. Нам неизвестны специальные научные работы, посвященные изучению роли меха в народной культуре в целом и в свадебной обрядности в частности. Е. В. Политковская в книге о старинной русской одежде заметила только, что использование меха и шубы на свадьбе, вероятно, имеет очень древние языческие корни [21, с. 86]. В обстоятельном этнолингвистическом словаре под редакцией Н. И. Толстого есть небольшая статья А. В. Гуры, посвященная шкуре животного [9]. В специальной монографии о браке и свадьбе тот же исследователь, комментируя мнение людей о традиции сажать молодых на шкуру, якобы для «мягкой жизни», указал на это народное объяснение как достаточно позднее [6, с. 381].

Между тем именно мех является одним из знаковых символов национальной идентичности России. Интерпретация меха как артефакта народной культуры в рамках этнографической мифологии позволит понять его место в историко-культурном пространстве русского человека [28, с. 724].

Свадебный обряд по праву считается одним из самых архаичных и традиционных ритуалов в системе русских народов празднеств [15]. Судя по сохранившимся источникам, мех был частью свадебного обряда уже в XVI в., а вероятно, и гораздо раньше этого времени [25, с. 139]. Тогда в этом обряде использовался столь ценившийся в Европе и России мех соболей и куниц [25, с. 129]. В XVII в. начинается песенная традиция свадебного обряда, где невеста часто сравнивается с куницей. Например, в тексте одной из песен, относящихся к середине XIX в., читаем:

Пала, припала молодая пороша,
На той на пороше слединька лежала;
По той по слединьке кунья пробежала;
За тою кунью охотнички ездят гаркают и свищут,
Кунью брать, Катерину Степановну ищу.
Коней утомили, кунью изловили.

[25, с. 196]

В другой песне пелось:

Молоды молотки!
Хорошие находки —
Куньи шубы,
Соболиные пухи...

[25, с. 190]

Великорусский свадебный песенный фольклор называл жениха соболем, а невесту — «черной куньей», а во время малороссийской свадьбы специальные обрядовые присловья изображали жениха как ловца-охотника, а невесту — как куницу — его ценную добычу [25, с. 289]. Некоторые этнографы XIX в. связывали эту традицию именования с тем, что в славянской древности жених якобы вносил за свою невесту подать князю черной куницей [13, с. 133; 25, с. 163]. Думается, что в данном случае следует видеть скорее народные представления о ценности меховых животных. Сравнение жениха с соболем, а невесты с куницей было связано с восприятием меха как символа семейного богатства, которое желали молодым при исполнении песен. В то же время именование невесты куницей действительно могло уходить корнями к древней традиции свадебного выкупа ее родителям, когда вместо денег на Руси использовались куны (шкурки куниц). Показательно в этом отношении, что «свадебная куница» или «девичье кунье» — выражения, употребляемые для обозначения выкупа за невесту в XIX в. [13, с. 134].

Вызывает интерес и другой свадебный обычай: встречая жениха, молодая набрасывала на плечи соболью шубу или другую одежду из меха, а затем низко кланялась своему суженому. Эта традиция бытовала еще в XVII в. Вот что сообщает о ней иностранный путешественник А. Олеарий: «Когда невеста узнает о прибытии новобрачного, она встает с постели, накидывает на себя шубу, подбитую соболями, и принимает своего возлюбленного, наклоня голову» [19, с. 378]. В этой же комнате стоит несколько мальчиков с факелами, которые удаляются перед ритуальным кушаньем молодыми каши, получив за это по паре соболей. Конечно, А. Олеарий описывал свадьбу знатных людей, но надо полагать, что и в народной среде обряд был схожим, так как русская культура в XVII в. еще не делилась на элитарную и массовую. В XIX в. этот обряд имел в некоторых местах свои особенности, например, в Белоруссии на невесту надевали шубу ее подружки [25, с. 279].

Так или иначе, суть обряда схожа: невеста, ожидая жениха, сидела на постели, по его приезде вставала, надевала соболью шубу и кланялась ему. Символическое надевание девушкой шубы на плечи в момент встречи суженого — действие, указывающее на готовность ее к вступлению в брак, к продолжению рода. Здесь невеста выступает

как будущая мать, готовая принять на себя важную социальную роль, связанную с продолжением жизни, а значит, и с обеспечением будущего семейного достатка.

По данным середины XIX в. невесту и жениха сажали на собольи шкурки и обмахивали лисьими и куньими хвостами, а в бедных семьях использовали с этой целью овечьи шкуры и тулупы из того же меха [1, с. 215]. Эта традиция представляется очень старой: еще в 1526 г. свадьба Василия III включала такой же ритуал обмахивания молодых соболями [25, с. 139].

Другой интересный «меховой обычай» свадьбы заключался в том, что жених и невеста за праздничным столом садились вместе на большую лохматую шкуру или же на лежащую мехом наружу шубу. Затем, отправляясь в церковь, молодые сидели в санях на специально постеленной для них меховой подстилке. В церкви, во время венчания, под ноги молодым подстилали ковер, а сверху на него клали шкурки соболей, куниц или других животных [13, с. 163; 25, с. 166–167].

Как считали этнографы XIX в., все это делалось для избавления от всевозможных злых чар [13, с. 163; 25, с. 166–167]. Мы же полагаем, что такое использование меха было магическим действием, направленным на успешное деторождение и накопление богатства молодой семьей. Именно поэтому до завершения бракосочетания жених и невеста должны были как можно больше соприкоснуться с чем-то меховым.

В одной свадебной песни пелось:

Еста, сватушка коренной
И свахонька коренная!
Благословляйте своих детей
На подклеть идти,
Под шубой спать,
Под куньей спать;
Кунью шубу к ногам топтать,
Здоровенько спать,
Веселенько вставать.

[13, с. 143]

Здесь мех выступает еще и в качестве одеяла для новобрачных, а также ковра в спальне, а значит, и связь меха с деторождением и семейным достатком прослеживается еще очевиднее [13, с. 134].

В иных случаях шубу надевали на жениха в торжественной обстановке после свадебного пира, затем он выпивал чарку водки и низко всем кланялся [25, с. 280]. Показательно и то, что «свадебный поезд» (запряженные сани для катания жениха и невесты) и особенно сани для невесты в XVII–XIX вв. украшались лисьими хвостами [25, с. 160].

Рассуждая о значении меха, вспомним, что свадьба была не просто развлечением, но состояла из множества сложных ритуалов, поскольку с древности она была связана с важнейшей функцией выживания людей: заключением брака, с союзом мужчины и женщины, связанным с продолжением рода, деторождением, без которого жизнь прекратится [8]. Именно в таком важном контексте и следует рассматривать использование меха в свадебной обрядности.

Весьма интересным представляется свадебный ритуал, во время которого мех выворачивали наружу [27]. Этот обычай зафиксирован в середине XIX в. следующим

образом. Во время приезда за невестой жениха встречала «тысецкая» (распорядитель на свадьбе со стороны невесты), на которой было надето две шубы: одна — как положено, а другая — навыворот. «Тысецкая» в вывернутой шубе усаживала молодых на постель, предварительно осыпав их деньгами и сытно накормив [25, с. 164]. В некоторых вариантах этого обряда молодых встречала сваха в шубе, надетой «наизнанку» [25, с. 188]. В другом случае отец и мать невесты надевали шубы, вывернутые шерстью вверх, а крестный отец накинутой на руку шубой мехом вверх брал жениха за руку, чтобы вместе с дружкой подвести к родителям для благословения [25, с. 218]. На белорусской свадьбе шубу навыворот надевал жених, когда приезжал за своей возлюбленной [25, с. 283].

Интересно отметить, что в древних ритуальных захоронениях Хакасии (III–IV в. н.э.) были обнаружены мужские и женские мумии, а также куклы, все одетые в «шубы», как мехом к телу, так и мехом наружу [20]. Видимо, здесь имела место не просто практическая необходимость, а определенный обряд перехода в иной мир.

Вернемся, однако, к свадьбе XIX в. В одной из свадебных песен, которая исполнялась во время того, как молодые сидели на вывороченной шубе, пелось:

Будь, зятю, добресенький,
 Як кожух теплесенький,
 Будь, зятю, богатий,
 Як кожух волохатий (т. е. волосатый. — Д. Л.)
 [1, с. 215]

Для того чтобы лучше понять сакральное значение вывернутого меха в свадебной церемонии, следует вспомнить, в каких еще обрядах его использовали таким же образом. Конечно, прежде всего, это святочный обряд (время от Рождества до Крещения) [4, с. 408; 22, с. 20–21, 25, 27–29; 25, с. 640–641; 30, с. 17–40]. Празднества на Святки в народной среде всегда были временем безудержного веселья, некоего шумного карнавального действия, разгульного пира. Важнейшее место в праздничной традиции Святков играло ряжение в шкуры и вывернутую наизнанку меховую одежду [26]. Тем самым люди не просто устраивали маскарад, а изображали духов умерших предков и представителей иного мира, где все противоположно нашему миру, все как бы перевернуто с ног на голову [17, с. 94–100]. Появление духов предков на Святки связано с тем, что в это время по народным представлениям якобы стирались границы календарного цикла: зима и холод уступали место весне и теплу, а день начинал увеличиваться. Поэтому сами по себе шумные святочные гуляния являлись пограничным периодом, знаковым символом важных перемен [2, с. 234, 241–242].

Немаловажно отметить, что святки были аграрным праздником, и магия ритуальных действий в это время была целиком направлена на будущий урожай [22, с. 124–160]. Именно поэтому играющие изображали предков-помощников, представителей иного мира, влияющего на стихии природы, которые при правильно проведенном обряде могут помочь людям обеспечить благополучный сев и обильный урожай [22, с. 27–29, 33–36, 124–126, 130–142]. В практике обрядового маскирования, в том числе ряжения в вывернутую шубу, отразились древние ритуалы, связанные с магией плодородия [26, с. 187, 191].

Таким образом, сопоставление свадебного обряда выворачивания шубы с подобным ему святочным ритуалом указывает на то, что, надевая шубу навыворот, люди

на свадьбе исполняли ритуал ряжения, обращенный к иному миру. У духов предков-покровителей они просили поддержки молодым, имитируя их участие в свадебной церемонии.

Считается, что объектом и центром святочной обрядности с древности у славян-язычников был бог Велес, покровитель скота и полодия, которого часто изображали в большой лохматой медвежьей шкуре [24, с. 582–583]. Бог-прародитель людей во многих архаичных культурах ассоциировался с огромным лохматым медведем, а шкура имела различную связь с идеей продолжения рода и плодородием людей и скота [23, с. 146].

Интересно, что у пермяков сваха не только встречала молодых в вывернутой шубе, но полностью одевалась в рваную и поношенную одежду, казалось бы, совсем неуместную во время веселого празднества [13, с. 160]. В некоторых малороссийских обрядах теща встречала жениха после венчания, сидя на вилах или кочерге и одевшись в вывернутую шубу [13, с. 169; 25, с. 297].

Следует отметить, что вывернутую наизнанку шкуру одевали не только во время святок. Известно, что на праздник Крещения 6 января крестьяне Воронежской губернии в XIX в. совершали обряд «освящения скота». Его участниками были мальчик с иконой, крестьянин со святой водой, крестьянин с топором и крестьянин в вывороченном тулупе. Они обходили хлев, в котором держали скотину [11, с. 51–52]. И вновь, как видим, мех выступает атрибутом соприкосновения с иным миром, с миром умерших предков, у которых участники просили помощи, имитируя их защитные действия. Представления о связи вывернутой шубы с иным миром проявили себя и в практике гадания, которое часто совершалось на разостланной шубе [13, с. 137].

В. И. Даль, рассуждая о народной традиции «окручаться» — наряжаться в вывороченные тулупы, считал, что славяне полагали, будто приносящие дождь облака — огромная шкура, и даже само слово «облако» происходит от «облачения», т. е. облачиться, надеть что-либо [10, с. 81–82]. Другой собиратель народных поверий А. Н. Афанасьев отмечал, что мех и шкура были архаичными символами дождевых облаков [1, с. 215]. «Вывороченный тулуп, овчина и соболя предохраняют жениха и невесту от действия нечистой силы и злых чар, наделяют их плодородием, счастьем и богатством: те же самые дары сулят и дождь, оросивший юную чету в день свадьбы», — отмечал исследователь [1, с. 215].

Сопоставление облаков, полных водой, столь важной для урожая крестьянина, с мехом и шкурой, конечно, не случайны, так же как и связь шкуры и дождя в день свадьбы, приносящая плодородие и богатство молодым. В данном случае мы видим, как проявила себя важная сакральная функция меха, связанная с процветанием людей и продолжением рода.

Итак, свадьба была таким же пограничным временем, как и период Святок, но только индивидуальным, личностным: невеста перед свадьбой как бы готовилась к новой жизни, она умирала и воскресала вновь для исполнения новой для нее социальной роли жены и матери [6, с. 21; 8, с. 547]. В одной свадебной песне цель брака, умножение человеческого рода, подчеркивает образ горностаея:

Во корнях тех дерев
Горностаея гнездо свивал,
Горностаея гнездо свивал
Да малых деток выводил.

[1, с. 112]

В украинской песне через сад летел горноста́й и уронил перо (так!), которое стало знаком для молодой девушки: ей скоро предстояла свадьба [25, с. 299]. Именно горноста́й, известный своим ценным мехом, выполняет здесь функцию предвестника нового этапа в жизни молодой женщины. А в русской игровой хороводной песне, зафиксированной в середине XIX в. у переселенцев в Поволжье, поется про зайца, который обходит девушек и просит у них горноста́я:

Заинька ходит по каравану,
Беленький ходит по девичью,
То то дай, то то дай,
То то бел горноста́й.

[18, с. 10]

В конце песни, обойдя несколько девушек, заяц выбирает одну, которую подруги наряжают и отдают ему. Отметим, что заяц в русских народных представлениях связан с эротическим началом [5; 7]. Следовательно, здесь мы можем видеть аллюзию на предстоящую свадьбу, ожидающую молодую девушку.

Свадьба, как мы видим, не могла обойтись без того, чтобы не задействовать мех в своих ритуалах. Систематизируя магические действия, которые совершались на русских свадьбах, Е. Г. Кагаров выделил восемь типов магических обрядов, а среди них и оплодотворяющую (карпогоническую) магию, имеющую цель обеспечить молодым плодovitость, богатство и достаток [15, с. 152–195]. Именно для реализации этой функции свадебной магии народная традиция использовала мех.

Это восприятие связи меха с плодородием проявилось и в иных ритуальных действиях, например, в заговорах, связанных с благополучием в семье, плодородием и домашним хозяйством [10, с. 124–160]. Мех встречается в заговоре «на укрощение злых сердец», который мать читает для сына: «Сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами. Как лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между миром и селом, так мой нарожденный сын был бы честен и величав...» [10, с. 218].

В Воронежской губернии в Рождество крестьяне стелили на лавку шубу и просили священника, пришедшего к ним с крестом, сесть на нее. Считалось, что «наседки будут после этого хорошо садиться на яйца и ни в одном из них не замрет зародыш» [10, с. 633]. В XVII в. во время празднования крещения или дня рождения члена царской семьи в качестве подарка ему обязательно подносили соболи шкурки [12, с. 894–904]. Особую роль играл мех и при праздновании Бабух каш (26 декабря), во время которых в допетровской России было принято дарить меховые подарки [12, с. 909, 911, 916–918].

Любопытно, что на свадьбе царя Михаила Федоровича в 1626 г. ему с супругой на блюде подносили два фарфоровых горшка с кашей, обернутых парами соболей [25, с. 146]. Это указание связывает кашу и мех общими представлениями о материальном достатке и процветании. Как известно, каша с глубокой древности являлась символом плодородия и жизненного цикла, она употреблялась в ритуальных действиях у разных индоевропейских народов, направленных на получение изобильного урожая [3; 17, с. 90–91].

Подводя итог использованию меха в свадебной магической обрядности, еще раз отметим его двойственное значение. Во-первых, он использовался в качестве магического предмета, наделенного функцией плодородия, достатка и продолжения рода.

Во-вторых, вывернутый мех считался признаком иного мира, и с его помощью изображали духов предков-помощников. Здесь мы имеем дело с имитативной магией, связанной с подражанием желаемым событиям. Например, чтобы заставить растения плодоносить, людьми совершались прыжки вверх; чтобы убить животное на охоте, делалось его изображение, в которое метали стрелы; чтобы наслать болезнь на врага, делали куклу и пронзали ее иглой [29, с. 20–39]. Также и здесь, желая получить помощь умерших предков или же духов иного мира, вывернутые шубы или шкуры животных надевали для имитации их присутствия. Это важное значение меха и определило его большое распространение в традиционной русской свадебной обрядности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасьев А. Н.* Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо, 2007. 608 с.
- 2 *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- 3 *Валенцова М. М.* Каша // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. Т. 2. С. 483–488.
- 4 *Веселовский А. Н.* Судьба–Доля в народных представлениях славян // *Веселовский А. Н.* Избранное: Традиционная духовная культура. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 403–476.
- 5 *Виноградова Л. Н.* Мифология календарного времени в фольклоре и верованиях славян // Славянский альманах. М.: Индрик, 1997. С. 145–155.
- 6 *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- 7 *Гура А. В.* Заяц // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. Т. 2. С. 284–288.
- 8 *Гура А. В.* Свадебный обряд // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. Т. 4. С. 544–547.
- 9 *Гура А. В.* Шкура // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 579–581.
- 10 *Даль В. И.* Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
- 11 *Дынин В. И.* Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX веков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 210 с.
- 12 *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: АСТ, 2005. 1129 с.
- 13 *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
- 14 *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной. М.: Наука, 1991. 511 с.
- 15 *Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VIII. С. 152–195.
- 16 *Кутепов Н.* Царская охота с X по XVII век. История охотничьего искусства высочайших особ. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
- 17 *Ляпин Д. А.* Путешествия в прошлое: Очерки этнографии Верхнего Подонья. Кемерово: Азия–Принт, 2014. 214 с.

- 18 *Ляпин Д. А.* Собрание обрядов, обычаев и песен русского народа (из рукописного наследия XIX века). Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. 100 с.
- 19 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия в XVII веке: воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 257–486.
- 20 *Панкова С. В.* меховые одежды из могильника Оглахты: шубы из погребения 4 // Археологические вести. 2020. № 26. С. 202–215.
- 21 *Политковская Е. В.* Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI–XVII веках. М.: Флинта: Наука, 2004. 176 с.
- 22 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2006. 176 с.
- 23 *Пятникова Т. Р.* Мифы и легенды о сотворении мира хантов Белоярского района // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 143–150.
- 24 *Рыбаков Б. А.* Язычество Древних славян. М.: Русское слово, 1997. 824 с.
- 25 *Терещенко А. В.* История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
- 26 *Токарев С. А.* Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие образов. М.: Наука, 1983. С. 185–193.
- 27 *Толстой Н. И.* Выворачивание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. Т. 1. С. 465–466.
- 28 *Флиер А. Я.* Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 724–729. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-724-729.
- 29 *Фрезер Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
- 30 *Шангина И. И.* Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

© 2021. Denis A. Lyapin
Yelets, Russia

FUR AS A FEATURE OF RUSSIAN TRADITIONAL WEDDING CEREMONY

Abstract: Fur is a significant feature of many ritual actions in traditional Russian culture. Although there is a lot of material on this subject it continues to escape a closer scientific attention. This paper looks at filling this gap and showing the role of fur in Russian wedding rituals. The author gives examples related to the use of fur at a wedding and analyzes wedding songs and additional material. Results obtained led to conclusions that the fur in the wedding ritual was of dual importance. It was used as a magical item endowed with the function of fertility and procreation. It was associated with fertilizing (carpogonia) magic. This magic was intended to provide fertility, wealth and prosperity for a family. The perceptions of the connection between fur and fertility was also manifested in other ritual activities, for example, in spells related to family and household. It is important to note that the inverted fur was considered a sign of another world, and with its help they depicted its inhabitants, late ancestors. In this case, the

fur should be considered in the context of imitative magic associated with imitation of desired events. Wanting to receive the help of deceased ancestors, participants of the wedding ceremony wore an inverted fur coat to simulate the spirit and to simulate the participation of the spirit in the wedding ceremony. This dual meaning of fur determined its wide distribution in traditional Russian wedding rituals.

Keywords: fur, fur coat, wedding rituals, folk magic, inversion

Information about the author: Denis A. Lyapin — DSc in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Received: April 25, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Lyapin D. A. Fur as a feature of Russian traditional wedding ceremony. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 8–19. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-8-19>

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Mifologiya Drevnei Rusi. Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* [Mythology of Ancient Russia. Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 608 p. (In Russian)
- 2 Bakhtin M. M. *Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renessansa* [Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. 543 p. (In Russian)
- 3 Valentsova M. M. Kasha [Porridge]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, ISI RAN Publ., 2009, vol. 2, pp. 483–488. (In Russian)
- 4 Veselovskii A. N. Sud'ba–Dolia v narodnykh predstavleniakh slavian [Fate — Lot in the folk representations of the Slavs]. In: Veselovskii A. N. *Izbrannoe: Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura* [Favorites: Traditional spiritual culture]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2009, pp. 403–476. (In Russian)
- 5 Vinogradova L. N. Mifologiya kalendarnogo vremeni v fol'klore i verovaniikh slavian [The mythology of calendar time in folklore and the beliefs of the Slavs]. In: *Slavianskii al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 145–155. (In Russian)
- 6 Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russian)
- 7 Gura A. V. Zaiats [Hare]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, ISI RAN Publ., 2009, vol. 2, pp. 284–288. (In Russian)
- 8 Gura A. V. Svadebnyi obriad [Wedding Rite]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, ISI RAN Publ., 2009, vol. 4, pp. 544–547. (In Russian)
- 9 Gura A. V. Shkura [Hide]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], under the general editorship N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 579–581. (In Russian)

- 10 Dal' V. I. *Pover'ia, sueveriiia i predrassudki russkogo naroda* [Beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 736 p. (In Russian)
- 11 Dynin V. I. *Kogda rastsvetaet paporotnik... Narodnye verovaniia i obriady iuzhnorusskogo krest'ianstva XIX–XX vekov* [When the fern blooms... Popular beliefs and rituals of the southern Russian peasantry of the 19th–20th centuries]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1999. 210 p. (In Russian)
- 12 Zabelin I. E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiiakh* [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow, AST Publ., 2005. 1129 p. (In Russian)
- 13 Zabylin M. *Russkii narod. Ego obychai, predaniia, obriady* [Russian people. His customs, traditions, rites]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 608 p. (In Russian)
- 14 Zelenin D. K. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic ethnography], translated from German K. D. Tsivina. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p. (In Russian)
- 15 Kagarov E. G. *Sostav i proiskhozhdenie svadebnoi obriadnosti* [The composition and origin of the wedding ritual]. In: *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1929, vol. VIII, pp. 152–195. (In Russian)
- 16 Kutepov N. *Tsarskaia okhota s X po XVII vek. Istoriia okhotnich'ego iskusstva vysochaishikh osob* [Royal hunting from the 10 to the 17 century. The history of hunting art of the imperial persons]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 416 p. (In Russian)
- 17 Liapin D. A. *Puteshestviia v proshloe: Ocherki etnografii Verkhnego Podon'ia* [Travelling in the past: Essays on the ethnography of the Upper Don]. Kemerovo, Aziia–Print Publ., 2014. 214 p. (In Russian)
- 18 Liapin D. A. *Sobranie obriadov, obychaev i pesen russkogo naroda (iz rukopisnogo naslediiia XIX veka)* [Collection of ceremonies, customs and songs of the Russian people (from the manuscript heritage of the 19th century)]. Elets, Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., 2010. 100 p. (In Russian)
- 19 Olearii A. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu* [Description of the journey to Muscovy]. In: *Rossiiia v XVII veke: vospominaniia inostrantsev* [Russia in the 17th century: memories of foreigners]. Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 257–486. (In Russian)
- 20 Pankova S. V. *Mekhovyie odezhdyy iz mogil'nika Oglakhty: shuby iz pogrebeniia 4* [Fur clothes from the Oglakhta burial ground: fur coats from burial 4]. *Arkheologicheskie vesti*, 2020, no 26, pp. 202–215. (In Russian)
- 21 Politkovskaia E. V. *Kak odevalis' v Moskve i ee okrestnostiakh v XVI–XVII vekakh* [How to dress in Moscow and its surroundings in the 16th–17th centuries]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 176 p. (In Russian)
- 22 Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki (opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [Russian agrarian holidays (experience of historical and ethnographic research)]. Moscow, Labirint Publ., 2006. 176 p. (In Russian)
- 23 Piatnikova T. R. *Mify i legendy o sotvorenii mira khantov Beloiarskogo raiona* [Myths and legends of the Creation of the Khanty Beloyarsky region]. *Istoriia: fakty i simvoly*, 2019, no 1 (18), pp. 143–150. (In Russian)
- 24 Rybakov B. A. *Iazychestvo Drevnikh slavian* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1997. 824 p. (In Russian)
- 25 Tereshchenko A. V. *Istoriia kul'tury russkogo naroda* [The history of the culture of the Russian people]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 736 p. (In Russian)

- 26 Tokarev S. A. Maski i riazhenie [Masks and gowns]. In: *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obrazov* [Calendar customs and rituals in countries of foreign Europe. Historical roots and development of images]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 185–193. (In Russian)
- 27 Tolstoi N. I. Vyvorachivanie [Inversion]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, ISl RAN Publ., 2009, vol. 1, pp. 465–466. (In Russian)
- 28 Flier A. Ia. Mif kak universal'nyi kontekst interpretatsii kul'tury [Myth as a universal context for the interpretation of culture]. *Observatoriia kul'tury*, 2017, vol. 14, no 6, pp. 724–729. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-724-729. (In Russian)
- 29 Frezer Dzh. *Zolotaia vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Branch: a study in magic and religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 703 p. (In Russian)
- 30 Shangina I. I. *Russkie traditsionnye prazdniki* [Russian traditional holidays]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 336 p. (In Russian)